

Это сейчас Сосновки-то нет, лишь поле с бурьяном да дикоцветом и мелколесье, а в старые годы, при царях значит, большое село было — почитай под тысячу душ, да дворов сотни полторы. Ну, конечно, поначалу деревня была, на барских угодьях стояла. Хоть и скудна земляца в наших краях и не своя, а у бар в аренду взятая — всё ж крестьянствовали жители. Мужички говаривали, бывало: «Без земли хоть до упаду роби, а сыт не будешь», — лукавили, конечно.

Знамо дело, весной да летом на земле пахота до седьмого поту. А глухой осенью да зимой что мужикам делать? Вот и придумали крестьяне ремесло себе по душе — приработок к основному крестьянскому делу, а для иных ремесло то на всю жизнь главным делом пришлось. Бондарничали селяне — бочки да кадушки дубовые мастерили, а так как своего лесу подходящего близ деревни не было, они и приспособились у купчишек арзамасских скупать дубовые кряжи.

Вот привезёт, бывало, мужичок какой дубовину к себе во двор, расколет на клёпки¹ да на летнее солнышко или на печку зимой сложит сушить. А как просохнет древесина, обтешет её бочкарь да в обечайках² сколотит — глядь, и готова кадушка или бочонок. По три штуки за день таких посуды сколотить можно. В Обходе тоже посуды мужики колотили, да только цельные и осиновые, а сосновские-то из дубовых тесин составлены. Кадушки эти бабы для стирки белья в основном использовали, да ведь стирку-то почти круглую неделю вести приходилось — обстирай-ка за раз семью из пяти, а то и из десяти человек! Без проворства хоть круглые сутки в воде прополощешься. Ну и кадушки, конечно, постоянно в воде, а, как известно, дуб да вода — друзья навсегда.

¹ Клёпка — тесина, тонкая дощечка.

² Обечайка — обруч.

Крепчает дуб от воды-то, ну и долговечней, значит, посудина получается. А о бочонках и вовсе говорить нечего — в этих постоянно что-нибудь булькает.

Так вот, наместерит, значит, мужик целую гору товару, на телегу сложит — и айда в Арзамас, к купчишкам, а те уже ждут его с деньгой, потому как наши-то, сосновские, кадушки завсегда в спросе были. Скупит у мужика товар лабазник³ и везёт в другие губернии на базары продавать или просто на перепродажу сдаст. На Тамбовщине и в Воронеже, говорят, хорошо они шли.

Забогатели наши-то сосновские на этом деле: избы себе крепкие поставили — с резными наличниками, причелинами, полотенцами⁴ да с украсами разными. Дворы к избам крытые прирубил да амбары. Во дворах скотины полнёхонько: хрюкает, гогочет, квохчет да мычит. Жёнки рядиться стали в бусы и серьги, и ребятишечки всё чаще в обнови одеты, а отцы семейства им то книжечки с ярмарки везут, то ленточки цветастые, то ландринны⁵. Горьковы, Стёпшевы, Тепловы и прочие — те, что в ремесле крутились, все зажили.

Особливо делово Колька Сочень отличался. Он, этот Сочень, ещё и резьбой владел мало-маля, так и пускал резьбу по кромке-то кадушки. Красиво получалось! А резную посудину и продать по дорожке можно. Мало того, так он ещё и в Обоз гонял, там осиновые кадки скупит, резьбы наведёт на них — и в торг. Вот уж его кадки скупщики и вовсе с руками отрывали. И когда он всё успевал только, Сочень-то?

В общем, хорошо в Сосновке жить стали. А что не жить, коли мужики рукастые и бары не дают? Когда достаток по селу идёт, так и работать пуще прежнего норовишь, не только себе, да и селу помочь охота.

При царе-освободителе на свои средства и своими силами церкву себе бондари поставили, в аккурат супротив Никольских

3 Лабазник — владелец торгового склада, торговец.

4 Наличники, причелины, полотёнца — декоративные детали русской избы. Чаще всего украшались пропильной или глухой резьбой.

5 Ландринны — леденцы, монпансье.

ключей. Добрая церковь получилась: деревянная, на подклетьях, верх шатром, да и с папертью. Высоченная церковка двухпрестольная в честь Знаменья Богородицы. Долгонько строили её, но осилили всё же. А ведь это всё Николка Шея да дружок его Титка, Сергеев сын, мужиков сподвигли. Они, видишь, всё ходили по дворам да соседям надоедали — давайте-де церковку поставим. И так они рьяно взялись за это, что даже образец будущего храма на бумажечке начирикали. Так-таки и добились своего — сподвигли мужиков на благое дело. Согласились мужички и стали церквухой той в свободные дни заниматься. Так потихоньку-потихоньку, а за несколько лет срубили храм-то. Сенька Сочень на тяблах резьбы навёл, а иконы-то кто свои из дома вынес, а большинство из Арзамаса привезли. Там, в монастыре, монахи малевали образа-то. С той-то вот поры и стала деревня наша селом считаться.

Всё бы хорошо, да недолго пришлось мужикам в достатке купаться. Ванятка Пичуга — уж такой ушлый да до лёгкой деньки охочий был — скопил капиталец, выстроил на общинной земле кабак себе и давай наших мужиков туда сманивать да спаивать. Те, бывало, с поля идут, а он уж тут как тут — посетите-де, дружки дорогие, моё заведение, пропустите стаканчик с устатку. Ну, многие и поддаваться стали. Раз зазывал, другой, третий — глядь, уж на четвёртый и зазывать не надо, сами пошли мужички-то.

Так и поехало, кто выпьет рюмку да уйдёт, а большинство-то до сиреневых мух допиваться стали. Поутру в поле идти — да где там? Что за работник с больной головой — страдание одно. А Пичуга-змея тут как тут — не страдайте, мол, похмелю вас! Ну и снова пьянка. Так и пошло по селу пьянство гулять.

А тут вдругорядь новая беда случилась. Купчишки, видишь, цену на дуб поднимать вздумали, ну и бондари наши на кадки цену задирать давай. Да только кто ж её купит, дорогую-то? Многие помыкались, помыкались временем, да так и бросили ремесло, стали в Вилейке да в Навалее точёные плоски скупать да перепродавать, а всё не то уже — наварато прежнего нет. До чего дожили — оные побросали свои избы и со всем семейством в Кулебацкий завод ушли. А у помещиков недоимки с села, им тоже,

знаешь, выгоды нет никакой, за аренду земли три шкуры драть стали. Так и захирело всё! И ремесло на убыль пошло, а с этим и село наше одряхлело.

Остались, конечно, мастера, верные своему делу, не бросили, хоть уже и не было прибыли особой, а всё ж старались. Надеялись, пока ещё в силе были. Сергун Ванюгин да Стенька Шишов так и колотили кадушки-то до самой смерти — не сдавались. А уж как пора им помирать пришла, глядь, а передать-то мастерство и некому стало. Молодёжь после переустройств Красного царька⁶ через десятки лет в города поразбежалась, а на селе одни старики да старухи остались. Так и сгинул промысел с последними мастерами, а вскорости и село помирать стало.

Вот оно, видишь, как выходит, что душа-то села не только на общей вере держится, но и на общем деле. Как родниковая вода дубовый кряж прочным делает, так и единый промысел скрепляет село-то. Отведи воду от дуба — и одряхлеет он, так и тут: не стало общего дела — и села нет!

⁶ Красный царёк — так в народе в некоторых сёлах и городах после революции называли В. И. Ленина.